

МЯГКИЙ знак из фамилии Митковых, которая, по семейным преданиям, берет начало от двора Бориса Годунова, исчез в сталинскую эпоху: семья боялась, что дворянское происхождение повредит ей. Натан Эйдеман в одной из своих книг посвятил главу одному из ее предков — декабристу Михаилу Миткову, сосланному в Сибирь на каторгу. Многие родственники Митковой живут сегодня в Петербурге, хотя сама Татьяна — коренная москвичка. Она считает себя человеком, но склонным к авантюрам, и готова всегда аргументировать свои поступки. Однако для зрителя многое остается загадкой. Возможно, именно сдержанность Митковой, которая приходит в каждый дом в полночь, чтобы рассказать изданным, уставшим за день и уже «наевшимся» всевозможной информацией гражданам о событиях минувшего дня, вызывает столько споров. Кажется, будто Миткова никогда не бывает уставшей и никогда не ведет себя со зрителями по-свойски, по-домашнему. Она всегда соблюдает дистанцию. А может, не хочет быть назойливой? Кто-то считает ее похожей на кукулу: совсем, мол, неживая. Кто-то — самой умной и объективной. Кто-то — женщиной не для «Плейбоя». Американский комитет защиты журналистов присудил орденом в прошлом году Митковой приз (он впервые был вручен советскому журналисту) «За особые заслуги в защите свободы слова». Недавно разразившийся скандал вокруг ее сюжета о митрополите Питириме, профессиональный спор с Никитой Михалковым добавили ей не только скандальной известности, но и очередных сторонников и противников. А ее большой «Мерседес» и размер зарплаты, к сожалению, интересуют многих больше, чем профессиональные секреты.

— Как правило, у всех популярных актеров, телевизионных ведущих, певцов есть своя сказка под названием «Как я добился успеха». Чаще всего это встреча с «добрым волшебником», который заметил и оценил способности молодого дарования, счастливый случай, изменивший однажды всю жизнь, или — безумная авантюра, на которую наш герой отваживается лишь раз и... безуспешно, побеждает. К нему приходит Удача, а с ней и долгожданная работа, слава и т. п. и т. д. А у вас есть такая сказка?

— Пожалуй, нет. В моей жизни все было строго, размеренно и, я считаю, совершенно обычно. Я средне училась в школе, не с красным дипломом закончила университет. Потом пришла работать на телевидение. К тому, что у меня сейчас есть (имею в виду возможность работать в кадре, обращаться к людям), я шла довольно долго. Знаете, если честно, то я к своей сегодняшней работе и не стремилась специально.

— И все же...

— Происходили перемены в стране, на телевидении, и в кадре начали появляться новые люди. Это была потребность времени. Многие журналисты, как и я, начали учиться. Нас бросили (а может быть, мы сами себя бросили) как котят в воду. И мы стали выплывать. Ни о какой школе, ни о какой подготовке не было речи. Кто-то выплыл, а кто-то — не смог. И не потому, что его оглушили бравом по голове. Нет. Выжили те, у кого изначально были способности, которые раскрылись в этих новых условиях.

— А где вы работали до «ТСН»?

— С первого дня я работала в главной редакции информации, которая сейчас называется «Информационное телевизионное агентство». Сначала — помощником режиссера, затем — ассистентом, редактором, старшим редактором, специальным корреспондентом. Сегодня у меня должность комментатора, хотя нас называют и иначе: ведущими телевизионных информационных программ. Практически все это время была сотрудником международного отдела. И совсем недолго — около шести месяцев — вела в прямом эфире программу «120 минут».

— И вам не хватает опыта, школы?

— Конечно, сегодня все мы считаем, что Бога за бороду держим и все умеем. Но жизнь на месте не стоит. Это постоянное движение, и, следовательно, все время приходится наткнуться на какие-то проблемы. Вы можете сказать, что это не так уж плохо. Однако есть очень много проблем, которые не стоит преодолевать. Существует огромная практика работы зарубежных коллег, о которой мы до сих пор имели самое смутное представление. Мне в какой-то степени повезло, я смогла, хотя и с большим опозданием, кое-чему научиться у западных коллег. Но молодые, начинающие журналисты и сегодня предоставлены сами себе.

— Чем, на ваш взгляд, отличаются женщины-ведущие на Западе?

— Я могу сравнить их лишь с собой и моими немногочисленными коллегами здесь. Главное отличие — очень высокая степень внутренней свободы. Абсолютная раскомплексованность, в хорошем смысле этого слова.

— Вы внутренне не свободны?

— Я считаю, что стала намного свободнее в последнее время. Возможно, сегодня я свободнее своих коллег, пусть это и звучит нескромно. Но я это чувствую. Однако какие-то совковые, советские комплексы и во мне еще сидят.

— С чем же тогда связана внутренняя несвобода?

— Пожалуй, с жизненным опытом, который включает в себя опыт личный и профессиональный. Бывает так, что обстоятельства жизни концентрируются максимально, и человек сильно меняется. Говорят, такая перемена происходит в нас раз в семь лет. Скорее всего

сталинивается в работе. Например, свобода слова. Что это для вас?

— У нас свободы слова не было и нет. Свобода — понятие относительное. В той же степени относительна и свобода слова. И все же я считаю, что у нас нет свободы слова. У нас есть гласность. Правда, что это такое, тоже никто точно до сих пор не знает. Во всяком случае для меня это значит одно — возможность не скрывать информации. То, что раньше скрывалось очень тщательно.

А свобода слова, пусть это звучит банально, — свобода выражать свое мнение. И в какой-то степени мне кажется, что петербургское телевидение в этом смысле достигло гораздо больших успехов, чем первый канал. Правда, слово «успех» все-таки следует взять в кавычки.

Телевидение — очень мощное средство воздействия, а мы настолько не умеем пользоваться вообще никакой свободой, в том числе и свободой слова, что она в руках людей, скажем, из-

является много поклонников и поклонниц после этого интервью. Потому что образ женщины-борца у нас до сих пор популярен. Можно назвать еще несколько имен таких женщин, сколотивших себе на политическом поприще определенный капитал. И я признаю, что это не со знаком минус. Они видят в такой жизни способ реализовать себя. Пусть они это делают. Другое дело, чем они руководствуются, и в какой степени ценности, которые они отстаивают, являются истинными и нужными человечеству.

Мне было интересно представить этих разных женщин, никого не подставляя. А воспринимаем мы все одну и ту же информацию по-разному.

— Когда вы работали в программе «ТСН», вы ощущали на себе сильное давление. Об этом уже много сказано и написано. А что изменилось сегодня?

— Сейчас ничего подобного, конечно, нет. Политическое давление ушло в прошлое. Но остались приоритеты. И они сохраняются за программой ново-

волею обстоятельств я была поставлена в положение, когда нужно было делать именно политический выбор. Вообще-то я хотела бы быть подалее от всех этих игр.

— И все же вы в своих выпусках уделяете политике максимальное количество времени?

— Мы живем в крайне политизированном обществе. Любая информационная программа начинается с политики. Впрочем, какую тему ни возьмем, например, экологию (я всегда очень внимательно слежу за ней) — любая экологическая новость обязательно связана с политикой. Или конфликт в каком-нибудь театре — за ним тоже политические игры. От них никуда не уйти.

— И вы беретесь за «мужские» темы. Расследование деятельности ГКЧП, узники «Матросской тишины»...

— Когда я брала интервью у Язова в «Матросской тишине», мне было очень трудно с ним говорить, очень тяжело там находиться, и я вернулась

торые из них еще учатся. Коля Иванов, корреспондент, сейчас пишет диплом в МГУ, хотя уже два года работает с нами. Очень талантливый репортер. Может быть, будущая звезда, Аня Прохорова (именно она брала интервью у Сажы Умалатовой) тоже учится. Работаем мы дружно, а иногда, в свободное время, вместе куда-нибудь выдвигаемся.

— А оно у вас бывает?

— Редко. Я стараюсь побольше быть с сыном Митей. Он заканчивает первый класс. Он человек очень шустрый, подвижный, самолюбивый до безумия. Внешне похож на меня.

— А где он учится?

— В обычной московской школе. Довольно далеко от дома. Если везти на машине, то на дорогу уходит минут двадцать пять. А в общественном транспорте — часа полтора. Мне просто очень понравился педагог, который там работает. Когда мы встретились с ним у друзей, я подумала, что неплохо было бы, если б мой сын учился в его школе. Пока он больше всего любит конструировать. Собирать какие-то безумные машинки, катера. Вы общаетесь с детьми?

— Да. Но в основном это люди, с которыми я работаю. Я счастлива, что рядом со мной есть люди, с которыми мне хочется встречаться. И я стараюсь уделять этим встречам как можно больше времени. Когда у нас будет своя квартира — а мы с мужем и Митей живем уже много лет в десяти-метровом помещении с родителями, — надеюсь, что сын будет общаться с нашими друзьями.

— Возможно, вы привыкли к пристальному вниманию. Ведь вы прекрасно знаете, что телевизионный ведущий, который приходит в каждый дом, пользуется не только любовью зрителей, ему не прощают ошибок, следят за тем, как он выглядит, во что одевается. Вы думали о том, что ваши слова, вашу причешку и костюм обсуждают сотни, а может быть, тысячи женщин?

— Конечно, это часть моей профессии, я думала об этом.

— Ваш стиль строгий, стиль сознательно подобранный и соответствующий вашему характеру в жизни. «За ней дом»?

— Когда я вернулась на телевидение после длительного перерыва, сказала себе: все, с кофточками надо кончать. Если помните, раньше у меня был другой стиль. Но я вернулась другим человеком. За плечами был уже опыт, драматический в какой-то степени. Многие изменились. Знаете, я действительно считаю, что нельзя появляться на экране в рюшечках, блестящих пюряжухах, расшитых лорексом кофточках. Однако это не значит, что я следую такому правилу в жизни.

— Вы шьете себе костюмы для работы?

— Нет, у меня есть несколько пиджаков и костюмов, купленных в очень дорогих западных магазинах. И я пошла на это сознательно. В том, что касается профессии, я не могла себя ограничивать. В данном случае верна пословица: скупой платит дважды. Куплю дешевую вещь, а потом смеяться будут. Хотя этих вещей не так уж и много.

Помимо того, что телевизионный ведущий должен быть грамотным человеком, уметь писать, ни в коем случае не картировать и не иметь нервного тика на лице, он должен думать об очень многих вещах, связанных с одеждой, внешним видом. И здесь нужно соответствовать хорошим мировым стандартам. Я думаю, мой пример не самый плохой.

— А как вы выбрали этот стиль?

— Я просматривала очень много кассет с информационными зарубежными программами. Обращала внимание не только на то, как работают коллеги, но и как они одеваются. Отказалась от услуг гримеров, потому что в их распоряжении очень плохие косметические средства. Я понимаю, что на косметику нет денег. Тогда купила себе косметичку. Это было очень непросто, ведь по моим понятиям, она стоит бесценных денег. Возможно, редакция сейчас найдет какой-нибудь способ помочь женщинам-ведущим.

— Поверьте, я зарабатываю не так уж много, как и все мои коллеги. Еще месяц назад мой оклад был 990 рублей. Дело в какой-то внутренней лени. Я не говорю сейчас о необходимости совершенствоваться профессионально, учить языки, постоянно читать. Это само собой разумеется. Да и в этом плане мы дадим сто очков вперед очень многим западным журналистам. Сложнее с внешним видом. А ведь от того, как люди выглядят, как они чувствуют себя в этом мире, зависит, их общение с другими людьми.

— Вы строго относитесь не только к себе, но и к окружающим вас людям. У вас есть враги?

— Явных, пожалуй, нет. Во всяком случае я о них не думаю. Были зачатки с угрозами: мы расправляемся с вами, с вашим ребенком. Но, знаете, я этих людей не боюсь, мне их жалко.

С гостем встречалась АЛИСА ЛИСИЦЫНА

«В полночь я чувствую себя раскованно...»

Сессия — Санкт-Петербург — 1992 — 6 часов

— Я не люблю бывать в «коридорах власти» и боюсь заниматься политикой. Волею обстоятельств я была поставлена в положение, когда нужно было делать именно политический выбор. Вообще-то я хотела бы быть подалее от политических игр, — говорит гость «Смены» Татьяна МИТКОВА

у меня этот перелом произошел в прошлом году.

— Но когда в этом году вы вновь вернулись на телевидение, эта перемена была слишком заметна. Простите, но у меня сложилось впечатление, что на смену тому образу ничего не появилось. Будто вы потеряли себя.

— Да, тот длительный перерыв сказался не столько, может быть, на форме, сколько на моем психологическом состоянии. Я вернулась словно в ту же самую передачу. С другой стороны, уходила я из окруженной ореолом героизма программы, вынужденно (именно вынужденно) являвшейся оппозицией. А в оппозиции всегда в какой-то степени легче.

Когда я сюда вернулась, программа перестала быть альтернативой официальной. Ведь все теперь можно. Все абсолютно в равных условиях. Психологически ощутить это можно было только в эфире. Мне необходимо было время, чтобы адаптироваться, чтобы найти свои приемы, варианты работы внутри этой передачи. И, естественно, произошла потеря образа. Знаете, я была настолько сама от себя в шоке, что хотела все бросить. Чрезвычайно войти дважды в одну и ту же воду.

Однако, я считаю, мне удалось переломить в себе это состояние. В большей степени благодаря тому, что перестала слушать очень многих людей, которые меня подталкивали к тому, чтобы сохранить тот, прежний образ. Я поверила своему внутреннему голосу и однажды поняла, что нашла.

— И с тех пор это чувство не покидало вас?

— Во всяком случае сейчас я чувствую себя свободной и ничего не рисую из себя. Меня всегда заставляли что-то изображать. А так долго продолжаться не могло.

— Внутренняя свобода — понятие, осознаваемое каждым конкретным человеком. Но есть очень много внешних факторов, с которыми вы ежедневно

лишь честолюбивых, амбициозных может нанести очень большой ущерб. Я не говорю о политике. Прежде всего ущерб моральный. Как правило, информация не абстрактна, она касается каких-то конкретных людей. Я совсем недавно поняла: о чем бы мы ни говорили, за любым фактом стоит конкретный человек. А самое страшное в журналистике — задеть достоинство, чужда человека, его честь. И свобода слова — тот инструмент, которым нужно пользоваться очень осторожно.

— Однако где та грань, за которую нельзя переступать? Недавно Никита Михалков защищал честь и достоинство митрополита Питирима, которому был посвящен ваш сюжет в программе «Итоги». Вы говорили о том, что Питирим много лет является агентом КГБ под ильичной «Аббат». Вас обидели во дни.

— В данном случае я не собираюсь оправдываться. Единственное, что мне придется сделать, это прочитать документы, на основе которых я делала этот сюжет. Хотя я очень уважаю чувства верующих. Однако об этом вы сможете узнать из ближайшей программы «Телескоп» Дмитрия Крылова. Я дала Диме слово, что до выхода его программы не будет никаких интервью на эту тему.

— Да, журналистскую этику надо соблюдать. И все-таки ваше отношение к героям сюжетов почти всегда можно определить. Даже если они идут без комментариев. Я помню программу накануне Босьмого марта. В ней вы рассказали о трех очень разных женщинах: Лайме Вайкуле, Сажы Умалатовой и корреспондентке итальянской газеты «Република». Эти три сюжета в одном выпуске нельзя назвать беспристрастными. Во всяком случае Сажы Умалатовой была не слишком привлекательна... Эта «женщина с вельсом». С ней — о семье, о доме, а она — о борьбе и о борьбе.

— А она осталась очень довольна тем сюжетом. Даже звонила после выхода программы, чтобы сказать, что всегда будет рада дать нам интервью. И я уверена, что у Умалатовой могло

стей «21 час». Впрочем, это объективно. Ведь ее смотрит самое большое количество зрителей.

— И все-таки это и сегодня официальная государственная программа, возмущает меня сильное преудубенение против нее, но в программе «Время» (лавайте назовем ее так) сохраняется любовь и огромному количеству обязательного «официоза», назойливым комментариям.

— Да, я согласна с вами. Во многом эта программа зависит от людей, которые ее ведут. Во многом, но не во всем. Да и мне ближе жанр коротких новостей. Просто еще остались стереотипы: вот эта тема требует большего хронометража, а эта — меньшего. Но есть же законы жанра! Информационная заметка не может быть в 300 строк, а репортаж на три минуты возможен?

— В свое время «оживить» эту программу пытались многие известные журналисты. Сагалаев, Молчанов, например. А вы не хотите попробовать?

— Во-первых, это все-таки не программа «Время». А во-вторых, вы задали очень деликатный вопрос. Причины здесь только во мне. Несколько месяцев назад мне предложили вести новости «21 час». Но я пока отложила решение. Хотя, возможно, в самое ближайшее время это и произойдет...

Многое пугает меня в этой работе. У меня есть свой образ ночной ведущей. В 12 часов ночи я чувствую себя достаточно раскованно. Несмотря на то, что информация, которую я сообщаем, уже прошла по всем информационным программам: вышли «Вести», новости первого канала, а я делаю итоговый выпуск дня. И мне это очень интересно. Кроме того, наша главная информационная программа и сегодня не совсем свободна от политической конъюнктуры. А я этого очень боюсь, потому что вообще-то я боюсь заниматься политикой. Случилось так, что

оттуда в подавленном состоянии. Мне по-женски и по-человечески жалко Дмитрия Тимофеевича Язова. И там мне было страшно...

Я уверена, что у этой темы будет неожиданный поворот. И точка может быть поставлена совершенно неожиданно. Но я буду и дальше очень внимательно следить за ходом следствия, за развитием событий.

Иногда становится не про себе. Начинаешь думать, ну когда же все это кончится, когда мы будем жить нормальной жизнью, и все понятия придут в соответствие с правдой жизни? Когда искусство будет только искусством, спорт — только спортом, а политика — только политикой? Видимо, общество, а я имею в виду не только нашу страну, не готово пока к этому.

— Татьяна Ростиславовна, о вас много пишут, говорят, как о популярной ведущей, но почти никто не знает людей, которые работают с вами. Что такое — команда Митковой?

— Это очень большая тема. Однако я должна заметить, что почти никого из журналистов не интересует, к сожалению, свита короля. Извините, конечно, за сравнение. Но ведь короля действительно играет окружение. Он может быть полный ноль, но если у него хорошее окружение, то король выглядит прекрасно. А у меня замечательная команда. Скоро в журнале «Дар» должен выйти материал о людях, с которыми я работаю. Впервые сюда пришел журналист Андрей Максимов и сказал: «Я хочу сделать репортаж не о Митковой, а о ее команде».

У меня есть шеф-редактор — Андрейский, главный организатор всех наших побед. Он, кстати, делает «Видео-канал для полуночников» в программе Молчанова «До и после полуночи». В бригаде три режиссера, мои большие друзья: Олежка, Танечка и Игорьек. Ответственный выпускающий — Лариса. Всего около десяти человек. Неко-